

УДК 821.161.1-1.09«19»Есенин С.А.
DOI: 10.17223/22220836/38/12

Е.Н. Суворкина

КОНЦЕПТ «СИРОТСТВО» В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА: ФИЛОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье проведен филолого-культурологический анализ концепта «сиротство» (как социального, так и духовного) в творчестве С.А. Есенина, показана его связь с феноменом «странничество». Установлено, что изучение концепта возможно путем исследования жизни поэта, в которой имели место события, связанные с феноменом и прямо или косвенно оказавшие влияние на мировоззрение С.А. Есенина. Выделено 13 наиболее важных позиций. Показано, что решение обозначенной проблемы в рамках одной модели понимания сиротства невозможно, ввиду чего аргументированно доказано существование двух моделей, хронологическая граница которых определяется революцией 1917 г.

Ключевые слова: Есенин С.А., детство, сиротство, одиночество, странничество.

«Тошно мне, законному сыну российскому, в
своем государстве пасынком быть»

С.А. Есенин (цит. по: [8. С. 219])

В философско-культурологическом контексте, как показали авторские изыскания, феномен сиротство не является распространенным объектом анализа. Он позиционируется как некая вторичность, которую можно изучать, в частности, с позиции экзистенциализма (А. Камю, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.). Одно из его положений – человек находится в бесконечной фазе становления на всем протяжении своей жизни, разрешая при этом вопрос свободы. Т.А. Волынцева считает лучшей методологической основой рассмотрения феномена сиротство в рамках философии теорию Н. Аббаньяно ввиду разработанности проблемы отчуждения личности и ее страданий, которые выступают стимулами к саморазвитию в дополнение к темам свободы и ответственности: «Сиротство... можно представить как исходный момент для жизненного старта, своеобразную точку бифуркации, в которой царит неопределенность будущего человека, но только от него самого зависит, будет ли свободным субъектом, проектирующим свою жизнь, выстраивающим ее по шагам, или же он будет пассивным объектом, подчиненным жизненным обстоятельствам и воле других людей» [1. С. 40–41].

Если говорить о социальном сиротстве, то, как правило, это предмет изучения социальных наук – главным образом, социологии. Душевное сиротство в большинстве случаев подменяется понятием «одиночество», которое в философии получило достаточно хорошее освещение. Также в психологии, в том числе клинической, к этой теме наблюдается интерес.

В настоящей статье на примере жизни и творчества поэта С.А. Есенина (1895–1925), уроженца с. Константиново Рязанского уезда Рязанской губернии (в настоящее время Рыбновский район Рязанской области), будет пред-

принята попытка филолого-культурологического анализа концепта «сиротство», где социальная сторона тесно переплетена с духовной составляющей.

Жизненный опыт как условие формирования темы сиротства в творчестве С.А. Есенина

В творчестве С.А. Есенина сиротство является одной из ведущих тем в рамках концепта «детство». В своей основе это определено рядом факторов.

Во-первых, в России до революции 1917 г. сиротство, хотя и было распространённым явлением ввиду неразвитости системы соответствующих социальных институтов (сиротские приюты, воспитательные дома), не носило деструктивный характер [2]. Во многом сиротство, как и юродство, сакрализировалось, оказание помощи считалось богоугодным делом. И вместе с тем труд сирот был одним из самых востребованных, поскольку практически не оплачивался. Не было исключением, когда матери (в основном в деревнях) сами отправляли детей бродяжничать и сиротствовать, поскольку не хватало средств их прокормить. В определенной степени это становилось профессией. Сироты могли собираться в группы, но организованной силы они не представляли, а соответственно глобальной угрозы обществу не несли.

В свою очередь, следует заметить, что сиротство в некоторой степени сопряжено со странничеством, которое также является одним из концептов творчества С.А. Есенина. О последнем он хорошо знал с детства, поскольку его бабушка (Аграфена Панкратьевна Есенина (Артюшина) (1855–1908)) по линии отца после смерти мужа (Никиты Осиповича Есенина (1843–1885)) содержала свою семью на деньги, полученные от странствующих монахов, а также художников, останавливавшихся у нее на постой в доме [3. С. 4]. Другая бабушка (Наталья Евтихиевна (Евтеевна) Титова (Памфилова) (1847–1911)) периодически отправлялась вместе с Сергеем на богомолья в различные монастыри, храмы [4. С. 25; 5. С. 29; 6. С. 318].

Во-вторых, Первая мировая война (1914–1918), революции 1905 и 1917 гг., Гражданская война (1917–1922) повлекли за собой формирование феномена сиротства как массового явления, способного принять форму неконтролируемой, неуправляемой организации крайне деструктивного характера. Такая деформация была инициирована глубокими социальными потрясениями, тяжелыми потерями человеческих ресурсов, ожесточенными боевыми действиями, что отразилось в ее особенностях, свойствах. Это уже был не бедный сиротка-побирушка (тема хорошо раскрыта, в частности, в живописи – В.Г. Перов «Дети-сироты на кладбище» (1864 г.), Е.Л. Кульчицкая «Сирота» (1912 г.) и др.), стоящий с протянутой ладошкой или работающий за гроши в тяжелейших условиях; теперь это уверенный, смелый, хитрый ребенок, действия которого носят исключительно девиантный характер без страха наказания в силу отсутствия как таковой правоохранительной системы. То есть произошла смена моделей сиротства как явления, концепта и образов самой сироты.

В-третьих, отец С.А. Есенина (Александр Никитич Есенин (1873–1931)) в подростковом возрасте остался сиротой. Ввиду смерти отца и соответствующей необходимости содержать семью (мать, старшую сестру и младших братьев), а также по традиции того времени он ушел подростком на заработки в Москву, где устроился «мальчиком» в мясную лавку к купцу

Крылову [4. С. 23]. Несмотря на то, что в принципе это была распространенная практика, а понимание значимости и ценности детства отсутствовало, как и его охрана, ребенку, который в чужом городе жил фактически как круглая сирота, было тяжело. Думается, сын Сергей был наслышан о его сиротстве-странничестве, как и других односельчан, поскольку также, когда подросток, был отправлен в столицу к отцу в лавку мясника в качестве помощника [5. С. 20]. Но будущий поэт там проработал очень недолго, перейдя к издателю И.Д. Сытину (1851–1934). С.А. Есенин скопировал существовавшую модель поведения, в том числе и в том, что уже его дети были сиротами при живом отце: Юрий (Георгий), Татьяна и Константин, Александр.

Юрий Изряднов (1914–1938) – первенец, поэтому определенную толику отцовской любви он получил. Буквально через год С.А. Есенин расстался с его матерью, А.Р. Изрядновой (1891–1946). Поскольку она была ему гражданской женой, Юрий оказался в положении не только сироты, но и полупризнанного сына.

Татьяна Есенина (1918–1992) и Константин Есенин (1920–1986) были рождены в браке с З.Н. Райх (1894–1939). Но в положении сирот они оказались дважды: после развода З.Н. Райх с С.А. Есениным; после убийства З.Н. Райх в ночь на 15 июля 1939 г. и расстрела В.Э. Мейерхольда (1874–1940) (дети называли его «Мейер») – второго мужа З.Н. Райх, их отчима, 1 февраля 1940 г. [5. С. 87–89].

Александр Есенин-Вольпин (1924–2016) – сын Н.Д. Вольпин (1900–1998), родившийся за год до смерти С.А. Есенина, – 12 мая 1924 г. Для С.А. Есенина он не был желанным. Поэт настаивал на аборте, мотивируя это беспокойством за дальнейшую жизнь Надежды. Мальчик отца не видел; при случайной встрече в Ленинграде в августе 1924 г. ребенок показан С.А. Есенину не был [3. С. 279–286].

Из всех детей поэт был привязан к Татьяне и Константину, которых иногда навещал; их фотографии носил с собой [7. С. 123]. Юрию он помогал материально, а с Александром ему не довелось познакомиться.

В-четвертых, С.А. Есенин, по воспоминаниям его младшей сестры Александры (Александра Александровна Есенина (1911–1981)), себя привык считать сиротой ввиду сложных семейных отношений. Мать поэта (Татьяна Федоровна Есенина (Титова) (1875–1955)) ушла от его отца (Александра Никитича) ввиду постоянного отсутствия последнего дома (заработки в Москве) и плохих отношений со свекровью в возрасте, когда Сергею было 3 года, к своим родителям. Около пяти лет он воспитывался дедушкой (Федором Андреевичем Титовым (1846–1927)) и бабушкой (Натальей Евтеевной Титовой), тогда как мать была послана ее родным отцом на заработки в Рязань, Москву. Татьяне развод Александр не дал, как и разрешение на паспорт. Таким образом, этот период Сергей Есенин воспитывался без отца и матери.

В-пятых, «сиротство» С.А. Есенина продолжилось, когда он был отправлен на учебу в Спас-Клепиковскую второклассную учительскую школу Рязанского уезда Рязанской губернии (в настоящее время г. Спас-Клепики Клепиковского района Рязанской области). Здесь поэт жил в интернате при школе [5. С. 17].

В-шестых, сама мать поэта любила сирот. Сестра поэта Александра свидетельствует: «Очень жалела мать сирот, часто кормила, обмывала их» [4. С. 46].

В-седьмых, некоторые из его друзей детства были сиротами. Например, Клавдий Воронцов (1898–1962), с которым С.А. Есенин подружился в то время, когда жил в доме у дедушки. Клавдий воспитывался у священника И.Я. Смирнова (1846–1929) в Константиново. Также Сергей дружил с сыном нищенки – Тимофеем Данилиным [6. С. 323].

В-восьмых, С.А. Есенин помог с переездом в Москву в 1924 г. двоюродному брату Илье (Илья Иванович Есенин (1902–1942 (?))), круглому сироте. Но главным образом поэт видел свою ответственность за сестер – Екатерину (1905–1977) и Александру, которых привез на обучение в столицу. Он не хотел, чтобы они чувствовали себя здесь одинокими и брошенными. Младшая сестра пишет в воспоминаниях: «Словом, все мы являлись для Сергея обузой. Но он безропотно нес этот крест» [4. С. 64].

В-девятых, в положении определенного сиротства оказалась его семья и знакомые, друзья во время пожара в с. Константиново, в результате которого было уничтожено 200 домов (3 августа 1922 г.) [Там же. С. 36–39] (по другим данным 250 домов [5. С. 22]). При этом С.А. Есенин не мог им помочь, поскольку находился за границей.

В-десятых, С.А. Есенин дружил с помещицей Л.И. Кашиной (1886–1937), которой в наследство помимо прочего досталось с. Константиново. Ее отец – И.П. Кулаков (?–1911) – владел ночлежными домами на Хитровом рынке, трактирами в Москве. Поэт мог слышать от Л.И. Кашиной истории об этом дне российского общества, в том числе о сиротах, рассказанные ее отцом (владельцем имения он был до 1911 г.) [4. С. 9], когда иногда бывал у нее дома в Константиново или в Москве (в особняке в Скертном переулке) [5. С. 72] или когда сопровождал ее к брату Борису из Константиново в Белый Яр [5. С. 67] до 1917 г.

В-одиннадцатых, по воспоминаниям Александры Есениной, младшей сестры поэта, в само Константиново в период Гражданской войны были привезены дети-сироты, которых разместили в национализированном доме Л.И. Кашиной, ставшем детским домом. В нем работали учителя, прежде учившие Сергея Есенина, сестру Катю, один год Александру. Интернат просуществовал недолго [4. С. 30]. Достоверно известно, что С.А. Есенин приложил все усилия, чтобы дом был сохранен [5. С. 74].

В-двенадцатых, личное чувство душевного сиротства, как синоним одиночества, особенно остро ощущаемое в заграничной поездке (1922–1923). Так, говоря о большой любви, существовавшей между ним и А. Дункан (1878–1927), нельзя забывать, что вместе с тем он чувствовал себя одиноким за границей; кроме того, оскорбляло и унижало С.А. Есенина восприятие его зарубежным обществом не как самостоятельной личности, известного поэта, а только как мужа знаменитой танцовщицы. При этом С.А. Есенин понимал, что он чужд не только Западу, но и своей Родине, о чем неоднократно писал. Он констатировал в письме (написано на пароходе «George Washington», следовавшем из Америки во Францию через Атлантический океан) от 7 февраля 1923 г. А.Б. Кусикову (1896–1977): «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется» (цит. по: [8. С. 219]). О тоске С.А. Есенин пишет и в более ранних письмах, например, 9 июля 1922 г. А.Б. Мариенгофу (1897–1962) из г. Остенда (Бельгия): «Здесь такая тоска,

такая бездарнейшая „северянинщина“ жизни, что просто хочется послать это все к этой матери» (цит. по: [8. С. 191]). Поэт поражен однообразием, духовной нищетой (письмо А.Б. Мариенгофу из Франции (г. Париж), конец июля / начало августа 1922 г.) [Там же. С. 193], отсутствием души (А.Б. Мариенгофу из Америки (г. Нью-Йорк), 12 ноября 1922 г.) [Там же. С. 208]. Это чувство душевного сиротства не исчезло и после приезда в Россию.

В-тринадцатых, одиночество и неприкаянность тесно связаны со странничеством, которое имело больше характер метаний. С.А. Есенину в целом были свойственны смена мест, кружков общения, возлюбленных, постоянное перемещение.

В-четырнадцатых, углубляющийся драматизм мировосприятия поэта. К страху одиночества присовокупилась мания преследования. А.К. Воронский (1884–1937) свидетельствовал, что поэт боялся оставаться один в номере гостиницы «Англетер» в последние дни жизни [3. С. 312–316].

Как можно видеть, концепт «сиротство» и соотносимое с ним «странничество» были прочно вплетены в канву жизни С.А. Есенина, что задавало одно из направлений его творчества.

Отражение социокультурных реалий сиротства в творчестве С.А. Есенина

В 1914 г. С.А. Есениным была написана сказка в стихах «Сиротка». В декабре она публикуется на страницах журнала «Мирок» (№ 12) [9. С. 197]. Вероятно, ее появление было определено целым рядом факторов, которые укладываются в один временной период – 1924 г.: во-первых, 21 декабря у С.А. Есенина и А.Р. Изрядновой родился первенец Юрий (Георгий), о котором первое время он очень заботился [Там же. С. 196]; во-вторых, 15 марта в Константинове у родителей С.А. Есенина рождается мальчик – брат поэта Алексей (1914–1916) [Там же. С. 187]; в-третьих, весной (с февраля по май) и осенью (с сентября по октябрь) он много общается с семейством Степанищевых (во время учебы в Московском городском народном университете имени А.Л. Шанявского (просуществовал с 1908 по 1920 г.)), в котором росла маленькая девочка Зина – «невеста» С.А. Есенина [Там же. С. 186]; в-четвертых, в конце февраля от туберкулеза (чахотки) умирает друг детства Григорий Панфилов [Там же. С. 185] (в сказке дважды повторяется тема смерти, кладбища – в первом случае заснеженная могила родителей Маши; во втором – могила, которую копает сирота для своей мачехи и сестры, замороженных Дедом Морозом; похороны; тихие поминки (видимо, поэтому помимо традиционности структурных элементов следует говорить о личных мотивах)).

Не исключено, что личный мотив закодирован в уровне взаимодействия «сирота – мачеха»: вторая постоянно выказывает недовольство действиями первой, нагружает непосильной работой, незаслуженно обижает ее, иногда бьет. С.А. Есенин знал о сложных отношениях матери и ее свекрови (очевидна параллель свекровь – мачеха). Последняя также постоянно ворчала на Татьяну, которая выполняла всю работу, включая обслуживание постояльцев в доме. Александра Есенина вспоминает: «Много работы легло на плечи матери, а в награду она получала ворчание и косые взгляды свекрови» [4. С. 24].

Муж Александр высылал деньги своей матери, но не жене. Положение хозяйки было закреплено за свекровью.

Это стихотворение о Маше – круглой сироте, страдающей от несправедливости со стороны мачехи и ее дочери. В этом произведении, построенном по традициям русского сказочного фольклора (народная сказка «Морозко»), показано несчастье обижаемой в начале и радость в заключении, преступление и наказание обижающих. Сказка отражает и сохранившееся в русской традиции ожидание чуда, прихода избавителя, что в данном случае не имеет религиозного контекста (явление Миссии, Христа), поскольку им выступает Дед Мороз. Во многом это отсылка к язычеству. С.А. Есенин, необходимо отметить, не раз возвращался к этой теме («За рекой горят огни...» (1914–1916), «Русалка под Новый Год» (1915), «По лесу леший кричит на сову...» (1914–1916) и др.). Достоверно известно, что поэт часто обращался к произведениям А.Н. Афанасьева (1826–1871) – «Народные русские сказки» и «Поэтические воззрения славян на природу», из которых он мог брать материалы для своих сочинений [9. С. 197]. Более того, в самом начале творческого пути в Москве его самого именовали сказочным Лелем [5. С. 5, 29].

Второй важный момент – это фиксация в данном стихотворении видения стереотипной модели взаимодействия на уровне «ребенок – мачеха». В рамках теории культуры нами разработана концепция о существовании двух форм замещения (субститут и эрзац) в субкультуре детства. В контексте родственных связей мачеха, выступающая «заменителем» матери, может принимать обе формы: эрзац-мать – мачеха, не выполняющая возложенные на нее обязанности; субститут-мать – мачеха, выполняющая в полном объеме возложенные на нее обязанности [10. С. 67–80]. Как правило, в художественных произведениях, в том числе в анализируемой сказке С.А. Есенина «Сиротка», используется модель «эрзац-мать» как средство построения драматического сюжета. Она применима по отношению к анализу деятельности (деятельностный подход), из схем которой и формируется модель: «Злая мачеха сердито // Без вины ее бранит» [11. С. 75], «Злая мачеха у Маши // Отняла ее наряд» [Там же], «Злая мачеха на Машу // Засучила рукава» [Там же. С. 76].

В творчестве поэта эта тема с использованием указанной модели периодически повторяется. Так, в стихотворении «Не в моего ты Бога верила...» (1916 г.) в роли мачехи выступает Россия, родина, а в роли пасынка – С.А. Есенин: «Не в моего ты Бога верила, // Россия, родина моя! // Ты как колдунья дали мерила, // И был как пасынок твой я» [Там же. С. 124]. Это стихотворение – достаточно точная иллюстрация перехода модели «эрзац-мать» в «субститут-мать», о чем просит сам поэт: «Не клонь главы на грудь могучую // И не пугайся вещим сном. // О, будь мне матерью напутною // В моем паденье роковом» [Там же]. В его эпистолярном наследии неоднократно повторяется эта мысль: «Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть» (цит. по: [8. С. 219]).

В 1914 г. С.А. Есенин написал стихотворение «*Побирушка*», которое было опубликовано 25 апреля в журнале «Доброе утро» (№ 16) [9. С. 236]. Оно имеет ряд схожих композиционных элементов, что и «Сиротка». Но сюжет первого произведения не столь разработан, это скорее лирический этюд, зарисовка: безымянная девочка стоит осенним ветреным днем у окна боль-

шого дома и просит милостыню, вытирая, как и сиротка Маша, стынувшие на щеках слезы изящнейшей рукой. Но ее просьбы в хоромах не слышат – там весело и шумно: «Но в хоромах этот голос заглушает шум утех, // И стоит малютка, плачет под веселый, резвый смех» [11. С. 102].

Как можно видеть, С.А. Есенин в дореволюционные годы создает произведения о сиротах, в которых они показаны добрыми, беззащитными, не способными ответить на зло злом. Их образ в некоторой степени романтизирован. Абсолютно противоположная модель будет им создана после революции 1917 г. в связи с коренными социально-экономическими изменениями, о чем говорилось ранее.

Наиболее точно концепт «сиротство» нового образца отражен в стихотворениях «Папиросники» и «Русь бесприютная».

За два года до смерти, в 1923 г., им написано стихотворение «*Папиросники*». Исследователи определяют время его создания как период с декабря 1923 по февраль 1924 г.; впервые опубликовано уже после смерти – 27 февраля 1927 г. в журнале «Красная нива» (№ 9) [12. С. 171]. В этом произведении сирота представлена не в единственном числе, это целая организация воров-карманников с четкой демаркацией территории действия: «Тех площадь – на Никитской, // А этих – на Тверской» [11. С. 188]. Внешним прикрытием служит личина продавцов, торгующих папиросами с лотков (папиросники).

В этом стихотворении обнаруживаются снова сопряженные концепты «сиротство» и «странничество». При этом странничество здесь двумасштабно: 1) в реальном мире – это странники грязных улиц («Грязных улиц странники // В забаве злой игры, // Все они – карманники, // Веселые вору» [Там же. С. 188]); 2) в вымышленном мире, в мечтах – это другие страны, в частности, Америка (города Нью-Йорк, Сан-Франциско).

Сходным композиционным приемом с дореволюционными стихотворениями о сиротстве выступает и создаваемый фон происходящего – суровые погодные условия, усиливающие трагизм. Как и в «Сиротке», это зима, мороз, холод, большие сугробы.

Но в противовес прошлой модели образа сироты создан новый – отчаянный, веселый сорванец, идущий сознательно на риск, завсегдатай притонов. Но поэт и в них пытается найти хорошие стремления: в частности, увлечение рассказами об американском сыщике, разведчике XIX в. А. Пинкертоне (1819–1884), ставшем прототипом «короля сыщиков» Ната Пинкертон (детективная литература начала XX в.). Изменилось и место действия: если раньше это была деревня, то теперь город, более того, столица.

С.А. Есенин, по воспоминаниям Г.А. Бениславской (1897–1926), относился к беспризорным с любовью, восхищением, нежностью. Они представляли собой силу, против которой взрослый мир был беспомощен: «Вот это сила. Вырастут – попробуйте справиться с ними <...> Да это ж государство в государстве, а ваш Маркс о них не писал» (цит. по: [12. С. 171]).

Через год (в период до 16 ноября [12. С. 465]) им было написано стихотворение «*Русь бесприютная*», которое образует с «Русью уходящей» (1924) и «Русью советской» (1924) единый цикл; напечатано в газете «Заря Востока» (№ 729) 16 ноября. Публикация была приурочена к анонсированию творческого вечера поэта, который должен был состояться 16 ноября в Тбилиси в

Малом зале Совета профессиональных союзов. После чтения стихов в программе значился диспут, который, по одним свидетельствам (Г.В. Бебутова (1904–1987)), не имел места, а по другим (Г.Н. Леонидзе (1899–1966)), напротив, имел [12. С. 467].

Стихотворение было написано меньше чем через неделю (считается, что через три дня) после посещения вместе с Н.К. Вержбицким (1889–1973) коллектора для беспризорников в Авлабаре (район Тифлиса) 12–13 ноября 1924 г. Здесь содержались дети в возрасте от 6 до 15 лет, которые были отловлены на улицах, в железнодорожных вагонах и пр. По воспоминаниям Н.К. Вержбицкого, С.А. Есенин практически на равных общался с ними, сидя на нарах. В своей речи употреблял жаргонизмы, вульгаризмы; при этом, чтобы показать, что он из их среды, войти в доверие, рассказал полувыдуманную биографию, в которой он в детстве был сиротой, беспризорником, таким же как они, но сейчас стал известным поэтом. И ему удалось завоевать их симпатии [Там же. С. 460–461]. А.В. Сафронов подмечает интересную деталь: дети, с которыми С.А. Есенин общался, были не с территории Тифлиса, поскольку он с ними свободно разговаривал, более того, использовал знакомый им лексикон. То есть общение происходило не на грузинском языке, ввиду чего справедливо предположение о том, что эти дети самостоятельно приехали безбилетниками в теплый край в поисках лучшей жизни из России [13. С. 425].

На С.А. Есенина встреча с беспризорниками произведет большое впечатление, поскольку 12 или 13 ноября 1924 г. он наносит визит Мухе Цхакая (1865–1950), председателю Закавказского ЦИКа, цель которого – устройство беспризорных. По данным Н.К. Вержбицкого, ему был дан ответ, что детям предоставляются хорошие помещения, в которых будут организованы трудовые колонии [12. С. 461].

Это произведение посвящено не одной сироте («Сирота», «Побирушка»), не одной какой-либо организации («Папиросники»), а целому мировому явлению, начало описания которого было положено Ч. Диккенсом, ввиду чего С.А. Есенин не раз вспоминает литературное имя Оливер Твист.

Здесь говорится уже не об отчаянности сирот. Само произведение написано отчаявшимся автором – резко, динамично, без романтизации и украшения, с использованием грубых, разговорных форм речи. В этом стихотворении поэт постарался передать контраст иного характера: не на примере отдельного человека («Сиротка»), а в целом – несчастье и угнетение в прошлом уступят счастью, радости в будущем: «Я знаю будущее. // Это их... // Их календарь... // И вся земная слава» [14. С. 180].

Это произведение своего рода итоговое посвящение всем сиротам земли, о которых поэт переживает и для которых поет: «Я только им пою, // Ночующим в котлах, // Пою для них, // Кто спит порой в сортире. // О, пусть они // Хотя б прочтут в стихах, // Что есть за них // Обиженные в мире» [Там же].

Его забота, сочувствие не остались незамеченными беспризорниками. Достоверно известно, что после возвращения в конце сентября 1924 г. из Тифлиса в Азербайджан (г. Баку) своеобразное шефство над С.А. Есениным взял некий беспризорник Васька, который был очень ему предан. Станислав и Сергей Куняевы констатируют: «С тех пор он состоял при Есенине ординарцем и нянькой и при этом полностью перешел на попечение поэта. Пьяно-

го Есенина Васька отвозил домой, раздевал, укладывал в постель, заботился о ванне, о белье, знал, когда и где Сергею нужно было выступать, и по мере сил удерживал его от пьянства» [15. С. 469]. Несмотря на то, что Васька жил за счет поэта, было бы ошибочным маркировать его действия как примитивный паразитизм.

Концепт «сиротство» обнаруживается не только в стихотворениях, проанализированных кратко выше. Он четко выделяется в литературной деятельности другого рода. В 1916 г. С.А. Есенин принял участие в издании сборника «Пряник осиротевшим детям», опубликовав в нем два стихотворения «Весна на радость не похожа...» и «Еще не высох дождь вчерашний...». Все денежные средства, полученные от продажи, направлялись в общество «Детская помощь» для детей-сирот павших воинов в Первую мировую войну.

Таким образом, концепт «сиротство» в творчестве С.А. Есенина в рамках детства является одним из ведущих, что обусловлено целой системой факторов, в том числе личных и общемировых. Анализ его произведений показывает, как трансформировалась модель построения образа сироты в связи с революционными потрясениями. Но неизменным оставалось одно: любовь к сироте, сострадание, стремление ей помочь – в том числе, своим поэтическим словом.

И в заключительном аккорде его жизни звучала тема сиротства. А.А. Берзинь (Берзина) (1897–1961) в своих воспоминаниях, описывая ночь перед погребением С.А. Есенина, обозначает верную и точную мысль о сиротстве с этого дня его живых родных, друзей, знакомых: «Дома хлопотала мама (мать А.А. Берзинь – А.П. Фоломеева. – *Прим. авт.*), чтобы... дать возможность отдохнуть усталым и *осиротевшим* (курсив мой. – С.Е.) людям» [16. С. 400].

Литература

1. *Волинцева Т.А.* К проблеме поиска методологических оснований изучения сиротства // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 37–44.
2. *Ransel D.L.* Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia. Princeton: Princeton University Press, 1988. 330 p.
3. *Грибанов Б.Т.* Женщины, которые любили Есенина. М.: Вече, 2006. 320 с.
4. *Есенина А.А.* Родное и близкое. М.: Советская Россия, 1968. 85 с.
5. *Богданова Н.Ф.* Сергей Есенин. Женщины и друзья. 3-е изд. Рязань: Поверенный, 2005. 112 с.
6. *Прокушев Ю.Л.* Дума о России. М.: Советская Россия, 1988. 624 с.
7. *Эвентов И.С.* Сергей Есенин. Биография писателя. Л.: Просвещение, 1978. 128 с.
8. *Баранов В.С.* Сергей Есенин. Биографическая хроника в воспоминаниях, фотографиях, письмах. М.: Радуга, 2003. 464 с.
9. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 1: 1895–1916* / гл. ред. Ю.Л. Прокушев. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 736 с.
10. *Суворкина Е.Н.* Конструирование субтитут- и эрзац-феноменов в субкультуре детства. Рязань: Концепция, 2016. 244 с.
11. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. Т. 4: Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений». М.: Наука: Голос, 1996. 544 с.
12. *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. Т. 4: 3 августа 1923–1924* / гл. ред. Н.И. Шубникова-Гусева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 736 с.
13. *Сафронов А.В.* Трагедия беспризорного детства в творчестве С. Есенина 20-х годов («Папиросники» и «Русь бесприютная») // Есенин на рубеже эпох: итоги и перспективы. Рязань: Пресса, 2006. С. 420–432.

14. Есенин С.А. Избранное. М.: Художественная литература, 1985. 575 с.
15. Куняев Ст., Куняев С. Сергей Есенин. 7-е изд. М.: Молодая гвардия, 2015. 595 с.
16. Есенин глазами женщин / [сост., предисл., коммент. П.Е. Фокина]. СПб.: Амфора, 2006. 429 с.

Elena N. Suvorkina, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Scientific Library (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: suvorkina@list.ru

THE CONCEPT OF "ORPHANHOOD" IN THE LIFE AND WORK OF S.A. YESENIN: THE PHILOLOGICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2020, 38, pp. 125–135.

DOI: 10.17223/2220836/38/12

Keywords: Yesenin S.A.; Yesenin studies; childhood; orphanhood; street children; orphans; social orphanhood; spiritual orphanhood; loneliness; wanderings.

The relevance of the problem. In the works of S.A. Yesenin the theme of childhood is not considered as a priority in modern research. At the same time, within the framework of this phenomenon, the most productive is the philological and cultural analysis of the concept of "orphanhood" (both social and spiritual), which is associated with "vagrancy", which determines the relevance of this research.

The novelty of the solution. First, the study of the concept of "orphanhood" in the works of S.A. Yesenin is preceded by the study of the poet's life, in which events related to the phenomenon could take place, directly or indirectly influenced the poet's worldview. The 13 most important positions are singled out. Second, the solution of the problem in the framework of one model of understanding of orphanhood is impossible, which is why the existence of two models, the chronological boundary of which is determined by the revolution of 1917, is proved.

Substantial aspect. S.A. Yesenin with great attention, sympathy for orphans, which is reflected in his work.

The first model of orphanhood, somewhat romanticized, is shown in the works "Orphan" and "Beggar". It reflects in General the behavior of such disadvantaged children, their attitude to society. Orphanhood before 1917 more or less, sacreligious as foolishness. On the one hand, they sought to help, and on the other, they exploited their work with impunity. In a new, non-native family, they usually did all the dirty work.

The second model of orphanhood is reflected in the works of "Cigarettes" and "Homeless Russia". If before the revolution, orphanhood was not of a mass character, it was not an organized community with destructive aspirations, now the situation has changed. But the poet does not turn away from them, he is looking for ways to help them. His work is inseparable from reality: "Homeless Russia" was written after a visit to the collector for street children. However, his own children grew up as orphans.

References

1. Volyntseva, T.A. (2016) To the problem of methodological search of orphanage study bases. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – The Humanities and Social Sciences*. 3. pp. 37–44. (In Russian).
2. Ransel, D.L. (1988) *Mothers of Misery. Child Abandonment in Russia*. Princeton: Princeton University Press.
3. Griбанov, B.T. (2006) *Zhenshchiny, kotorye lyubili Esenina* [Women who loved Esenin]. Moscow: Veche.
4. Esenina, A.A. (1968) *Rodnoe i blizkoe* [Native and close]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
5. Bogdanova, N.F. (2005) *Sergey Esenin. Zhenshchiny i druž'ya* [Sergey Esenin. Women and Friends]. 3rd ed. Ryazan: Poverennyy.
6. Prokushev, Yu.L. (1988) *Duma o Rossii* [Thoughts about Russia]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
7. Eventov, I.S. (1978) *Sergey Esenin. Biografiya pisatelya* [Sergey Esenin. Biography of the writer]. Leningrad: Prosveshchenie, 1978. 128 s.

8. Baranov, V.S. (2003) *Sergey Esenin. Biograficheskaya khronika v vospominaniyakh, fotografiyakh, pis'makh* [Sergey Esenin. Biographical Chronicle in Memories, Photographs, Letters]. Moscow: Raduga.
9. Prokushev, Yu.L. (ed.) (2003) *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of S.A. Esenin's life and work]. Vol. 1. Moscow: RAS.
10. Suvorkina, E.N. (2016) *Konstruirovaniye substitut- i erzats-fenomenov v subkul'ture detstva* [The construction of substitute and ersatz phenomena in the subculture of childhood]. Ryazan: Kontseptsiya.
11. Esenin, S.A. (1996) *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols]. Vol. 4. Moscow: Nauka: Golos.
12. Shubnikova-Guseva, N.I. (ed.) (2010) *Letopis' zhizni i tvorchestva S.A. Esenina: v 5 t.* [Chronicle of S.A. Esenin's life and work]. Vol. 4. Moscow: RAS.
13. Safronov, A.V. (2006) Tragediya besprizornogo detstva v tvorchestve S. Esenina 20-kh godov ("Papirosniki" i "Rus' bespriyutnaya") [The tragedy of homeless childhood in the work of S. Esenin of the 20s ("Cigarette-peddlers" and "Homeless Russia")]. In: Voronova, O.E. (ed.) *Esenin na rubezhe epokh: itogi i perspektivy* [Esenin at the Turn of the Epoch: results and Prospects]. Ryazan: Pressa. pp. 420–432.
14. Esenin, S.A. (1985) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
15. Kunyaev, St. & Kunyaev, S. (2015) *Sergey Esenin*. 7th ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
16. Fokin, P.E. (ed.) (2006) *Esenin glazami zhenshchin* [Esenin as seen by women]. St. Petersburg: Amfora.